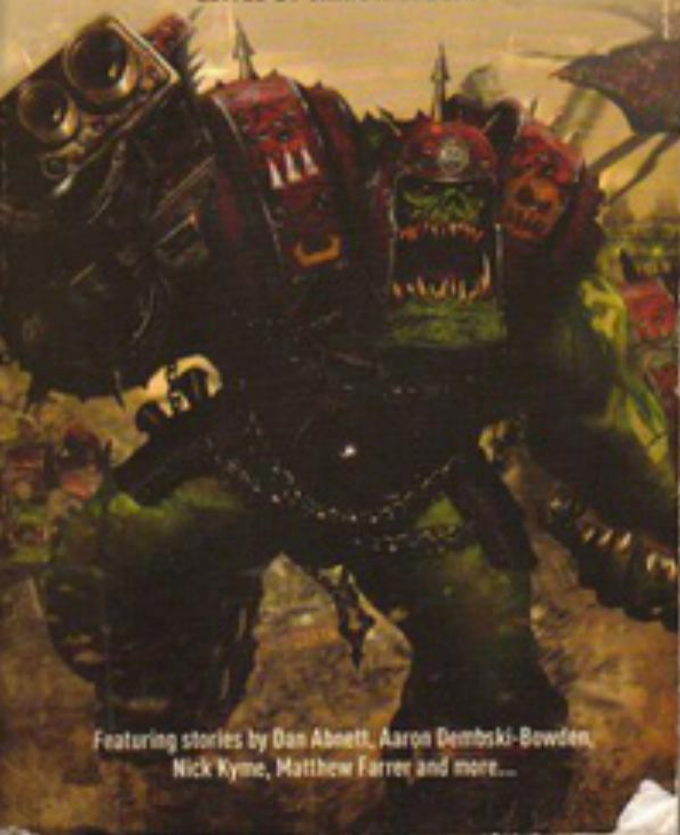

WARHAMMER

40,000

FEAR THE ALIEN

EDITED BY CHRISTIAN DUNN

Featuring stories by Dan Abnett, Aaron Dembski-Bowden,
Nick Kyme, Matthew Farrer and more....

РЕКВИЕМ ПРОМЕТЕЯ

Ангар зиял в боку корабля, подобно
открытой ране, гниющей от ржавчины и
разрушения

варпом. Он принадлежал «Глориону»,
древнему кораблю, участвовавшему в давних
угасших

войнах Каннского фронта, который был
лишь одним из сотни таких же,
составляющих

единый конгломерат. Разрушенные
надстройки, напотивающие соборы,
стесались друг с

другом в насильственном акте единения,
выступая среди сломанных шпиль,
разбитых

куполов и расколотых остатков
многоарусных палуб. Слияние некогда
различных кораблей

выглядело таким же несуразным, как и его
итог. Ныне представляющие собой единую
грейфующую массу, эти чудовища
повсеместно именовались «скитальцами».

«Неумолимый» был сущим насекомым в

сравнении с этой громадой. Его посадочные опоры

опустились на участок палубного настила, достаточно крупный, чтобы вместить целую

эскадру десантно-штурмовых кораблей. По аппарели спустились десять фигур в тяжелой

бронированной броне. Двигались они медленно. Не потому, что были облачены в массивные терминаторские

доспехи, или из-за инерции при нулевой гравитации, и не потому, что их сапоги

притягивались магнитом к настилу палубы. Они были осторожны. Скитальцы всегда

являлись вотчиной чуждых тварей, прячущихся в темных, забытых глубинах, беспокойно

дретлющих в глубинах костоса. Но в этом скитальце таилось нечто большее. Эта масса, слившаяся из множества корпусов, изувеченных следами когтей, населенная колониями

странных бактерий, опаленная солнечным ветром, побывала в Оке Ужаса. Варп изрыгнул ее, будто мать, изгоняющая из себя нарождающееся отродье, и она вернулась в реальное

пространство после отсутствия глиной почти в век.

-- Я чувствую зловоние варпа, -- слышался голос Претора в комлинке шлема Тсу'гана. Даже не видя лица, Тсу'ган мог сказать, что сержант нахмурился.

Не только запах -- стены ангара служили видимым доказательством того, что скиталец был

занятнан скверной. В свете, источаемом гало-фонарями доспеха, Тсу'ган различил затороженные вакуумом кровеносные сосуды и странной формы бугры. Щели в гротескных

наростах напотинали мгновенно замерзшие рты, разинутые от голода. Подобные искажения

пятнали собой каждую вертикальную

поверхность и сливались в густую кашу
окаменелой

биомассы, скопившуюся по краям палубы.

-- Огнемет, -- приказ Претора был краток,
будто обрублен, из-за едва сдерживаемого
отвращения. Брат Колох выступил
вперед из боевого порядка и окатил стену
очищающим

огнем. Как будто спичку поднесли к куче
промасленных дров -- огонь пронесся по
нечисти, пожирая ее под жуткие шипящие
завывания, едва различные за ревом
тяжелого оружия.

Тсу'ган увидел, как Этек изобразил
поперек груди знак молота Вулкана.
Никто из Огненных

Драконов этого не сделал, но аптекарий
не принадлежал к ним и был более
суетлив, чем

большинство. Он встретился взглядом с
Тсу'ганом, какое-то время смотрел ему в
глаза, а

затем отвернулся, когда Претор вновь
повел их вперед. Было очевидно, что он

хочет покинуть

корабль как можно быстрее. На то была веская причина.

Эмпирей был царством теней, миром, наложенным на реальность, будто грязная пластексовая

мембрана. В его потоках обитали безжалостные существа, которым придал облик страх, зависть и жажда власти. Это были паразиты, питающиеся человеческими страстями. Было

древнее слово, отражавшее их сущность. Демоны -- так их называли. Ни один корабль, скиталец или что-то иное, что странствовало в варне, не могло остаться совершенно

нетронутым. Демоны и их воздействие могли надолго задерживаться в реальности...

-- Мүрашки по коже бегут, а, змееныш? -- спросил Храйдор по закрытому каналу.

Тсү'ган стиснул челюсти и проглотил свой гнев.

-- Обращайся ко мне «Тсү'ган» или «брат», --

прошипел он.

Храйдор так громко расстелялся, что все его услышали. Великан даже среди терминаторов, он

тащил тяжелое оружие своего отделения - устрашающего вида штурмовую пушку, покрытую

значками, обозначающими уничтоженные цели.

Претор послал потрескивающий разряд по рукояти громового молота, чтобы лучше остотреться в темноте. Вспышка также осветила зелень его боевого доспеха и сгустила тени в

складках плаща из драконьей чешуи.

-- Прекрати, брат, -- сказал он.

Храйдор кивнул, однако пока не закончил.

-- Оставайся бодрым, змееныш. Мы с тобой очень скоро будем сражаться вместе.

Озера магмы под горой Смертного Огня на Ноктюрне были холоднее, чем гнев Тсу'гана в тот миг.

Если не считать наростов скверны, ангар
был пуст.

-- Далеко ли до «Протея»? -- спросил
Претор.

-- Он близко. Я чувствую его.

На ретинальном дисплее Тсу'гана
вспыхнула руна, идентифицирующая
говорившего.

Брат-сержант Ну'меан. Его нетерпение,
нехарактерное для Саламандры, было
очевидно даже

под непроницаемым терминаторским
госпехом.

Претор повернулся всем своим массивным
телом.

-- Брат, ты теперь библиарий?

-- Я -- Огненный Дракон, -- отрезал
Ну'меан. Голос у него был не такой
глубокий, как у

Претора, но металлом в нем можно было
резать кератит. -- У я знаю свой
собственный

корабль. Он неподалеку.

Ну'меан потопал вперед. У без того низкая

температура упала еще сильнее.

-- Эмек, -- Претор на сей раз проигнорировал второго сержанта, -- сколько еще?

В отличие от своего предшественника с его едва прикрытым цинизмом, Эмек был оптимистичен и любопытен.

«Вытащишь еще несколько геносемян из своих мертвых или утирающих собратьев -- и твое

настроение изменится, брат», -- подумал Тсу'ган, и его внутренний голос отдал горечью.

Эмек сверился с комплексом ауспиков, встроенных в перчатку его более легкого силового доспеха.

-- Если верить плану корабля, то примерно пять часов по третьему ярусу «Глориона», пока не

достигнем точки слияния и выйдет в кормовой отсек «Протея», -- он поднял взгляд от своих

вычислений. -- Это если мы будем

двигаться напрямик -- без стычек, по
чистому пространству
и не восстанавливая гравитацию.

-- Как только мы найдем активный
терминал, ты займешься третьим
условием, брат, -- сказал

Претор. -- С грузини двуля мы будем
разбираться по мере надобности.

У каждого терминатора на левой руке
был цепной кулак -- незаменимая вещь при
исследовании скитальцев, где движение
могли затруднять переборки и завалы.
Это было

нужно для выполнения второго условия.

-- Температурное сканирование с
«Неумолимого» показывает, что
сопротивление будет
слабым. Ксеносы все еще по большей части
в спячке.

Штурмболтеры, штурмовая пушка и
тяжелый огнетет разберутся с условием
номер один.

-- Тогда будем надеяться, что этим все и
ограничится, -- Претор переключил

внимание на

Нү'меана, который стоял в авангарде
своего отделения. Пока командовал
Претор, но, как

только они достигнут «Промея», его
стеним второй сержант. Так было решено.
Нү'меан

должен был искупить свою вину и нести
ответственность в одиночку. Таков был
нүть

Прометея.

-- Ты уверен, что он здесь?

-- Я чувствую это собственной кровью, -- в
голосе Нү'меана слышались рычащие
нотки. -- Он

здесь, все еще внутри корабля.

-- Век дрейфа по волнам варпа... возможно,
он не выжил, -- обычно громовой голос
Претора

стягнулся. -- Брат, возможно, что мы
ищем труп... или нечто худшее.

Нү'меан позволил словам повиснуть в
воздухе. Затем он посмотрел мимо
Претора, и взгляд

его вспыхнул, остановившись на Этеке.

-- Он еще жив, находится в криостазисе, как я его и оставил, -- едва собравшись что-то

добавить, Ну'теан затолчал. Его напускная холодность почти что исчезла, однако он снова отвернулся.

Претор бросил еще огин, последний взгляд на Этека, по бокам которого двигались зеленые, бронированные керамитом бастионы-- двое из отделения Ну'теана, Меркурион и Ган'гар.

Силовая броня представляла прекрасную защиту на обычных полях сражений, но этот

дрейфующий костический скиталец не был обычным.

-- Берегите его, -- Претор не потрудился перейти на закрытый канал. Аномекарий знал, что

риск велик. Претор снова пристально посмотрел на Ну'теана.

Тактичность не входила в число тех

качеств, которые Теркулон Претор ценил
сколько-то

высоко. На данный момент это все еще
была его миссия. Громоподобным,
повелевающим

голосом он возвестил, возглавляя отряд:
-- Огненные Драконы, за мной!

Вспышки, одновременно вырвавшиеся из
трех штурмболтеров, осветили
искаженное

grimасой лицо Претора, и он отшвырнул
ксеноса ударом штормового щита. Жгучие
органические жидкости зашипели на его
броню, когда он расплющил тварь о стену.

Коридор был узок. Трубы и толстые
кабели свисали с потолка, покрытого
разрывами от

когтей генокрадов. Решетчатый настил,
полуразъеденный кровью ксеносов, лязгал
под

ногами. Но крайней мере, порча варпа
здесь отсутствовала. Но крайней мере... не
была

видима. Мощная гравитация, создаваемая

нестабильно работающими системами
«Глориона», притягивала Огненных
Драконов к полу. Благодаря недавно
включенным

воздухоочистителям, которые снова
наполнили ярус кислородом, Претор смог
снять боевой

шлем. Данные суспензоров на ретинальных
дисплеях показывали, что подъемная
способность

на пределе. Маневрировать было тяжело.

Тсу'ган чувствовал соленый вкус на губах, в

сражении его лицо покрылось потом, а

второе сердце колотилось, подстраиваясь

под

дополнительную физическую нагрузку.

Ксеносы, похоже, не испытывали таких

трудностей.

Двое закупорили собой короткий коридор,

пытаясь оттолкнуть друг друга. Трое

терминаторов

стояли к ним лицом к лицу -- Тсу'ган, его

сержант и Во'кар -- два других, включая

вооруженного иштуртовой пушкой,

расположились позади них, образуя шахматный порядок.

Хотя тяжелое оружие Храйдора молчало, залааял штүртболтер Цнвиктеза, стреляя между

наплечниками стоящих впереди. Подразделение Ну'меана тесно сгруппировалось за ними, защищая их сзади.

Тсу'ган выстрелил в тварей, разорвав грудную клетку их вожака и оторвав ему конечность.

Второй подобрался на расстояние, достаточное для прыжка, и, оттолкнувшись глиняными

мускулистыми ногами, легко взмыл в воздух. Цепной кулак врезался в его торс, превратив

пронзительный вой в приглушенное мяуканье, и генокрад заскреб когтями по броне Тсу'гана, но уже обессилено и не целеустремленно.

-- Хороший змееныш! -- сказал Храйдор. Очереди штүртболтеров озаряли коридор,

словно

языки пламени. Тсу'ган чувствовал их жар. Трое ксеносов взорвались под обстрелом. --

Смотри-ка, там еще больше!

Храйгор указал ценным кулаком. Кругом валялось примерно тринадцать трупов ксеносов, а

сати терминаторы не понесли никаких потерь или ранений. Это был авангард, ничего больше.

Звери выглядели частично оцепеневшими, еще не полностью очнувшись от спячки.

Впереди раздался высокий, воющий звук, предвестник новой волны.

Генокрады, рассыпавшиеся по палубе, были легкой добычей. Они брыкались и дергались под

объединенным огнем. Слишком поздно. Огненные Драконы осознали, что этих тварей просто

принесли в жертву. Другие -- цепляющиеся за стены и потолки, прижимающиеся к ним, чтобы представлять собой меньшую

цель, — бросились на них целой стаей.

Тсу'ган зашатался, получив скользящий удар по шлему. На внутреннем дисплее на секунду

затрещали помехи, затем изображение стабилизировалось. Твари были быстры, гораздо

быстрее, чем первые. Он размахнулся кулаком, надеясь кого-нибудь зацепить, но один

огнекраг перекатился через него и вцепился в спину.

Болевые сенсоры огнеча вспыхнули гневным красным цветом, и Тсу'ган закричал.

Органические крючья вырвались из пасти огнеча и начали бить по сочленениям брони в

поисках уязвимых мест. Огненный Дракон не мог дотянуться до врага и вместо этого рванулся

назад. Ударившись о стену, он с удовлетворением услышал хруст костей.

Тсу'ган едва успел прийти в себя —

модифицированное тело начало
вскакивать в кровотоки
ослабляющие боль химикаты -- когда на
него прыгнула другая тварь, притаившаяся
на
потолке. Несмотря на имплантат-
оккульт, он только сейчас разглядел ее во
тьме.

Грозовой молот Претора сокрушил ее
прямо в полете, и выброс энергии пронизал
воздух, осветив взвизгнувшего перед
смертью ксеноторфа, будто в застывшем
пикт-снимке.

-- Огненные Драконы, вперед! -- прогремел
Претор, расплющивая грубого ударом
штормового
щита.

По отрывистому грохоту болтеров
Тсу'ган понял, что его братья рядом и
ведут продольный
огонь по коридору. Совместными усилиями
Огненные Драконы практически
уничтожили
вторую волну и использовали краткую

передышку, чтобы немого продвинуться
вперед.

Перед ними виднелась более широкая
секция коридора, нечто вроде
технического отсека, где, будто
металлические трубы, валялись старые
механизмы. Увеличение пространства
позволило

воинам Ну'меана занять позицию рядом с
отделением Претора.

Они разошлись веером -- трое впереди
сержанты в центре, двое позади, включая
тяжелые

орудия. Претор поднял кулак:

-- Стойте на месте.

Эхо последних выстрелов постепенно
угасало, пока снова не повисла напряженная
тишина, прерываемая тихими звуками
действующих систем «Глориона».

-- Надо идти дальше, -- сказал Ну'меан,
выдавая свое нетерпение.

Претор тычком перевернул один из
крадских труб. Щупальца вывалились из
его ротовой

полости, подобно ребристым языкам.
Прежде чем включить котл-связь, он
заметил слабый

свет, угасающий в глазах существа. Это
не могла быть просто иллюзия, вызванная
напряженными условиями на корабле.
Претор активировал связь.

-- Апотекарий?

-- На месте, господин.

-- С ксеносами покончено, -- упорствовал
Нү'меан. -- К чему медлить?

-- Он ждал почти столетие, брат --
несколько лишних часов не имеют
никакого значения, --

парировал Претор. -- Кроме того, они все
еще здесь. Выжигают.

Было очевидно, что другому сержанту
это не нравилось.

Тсү'ган помнил Нү'меана, каким тот был,
когда он впервые телепортировался на
Протетей, лунную космическую станцию и
владение Огненных Драконов. Брат-
сержант встретил его

первым. У него было обветренное лицо с

длинным шрамом по правой стороне,
который

задевал губу и поднимал ее вверх в
постоянном оскале. Правый глаз был
немного тусклым, и

в его красном огне виднелось маленькое
черное пятно. Полоса рыжих волос,
выбритых дугой, тянулась по правой
половине черепа. Тсу'гану это напониало
язык пламени. Несмотря на жар

кузни испытаний и врата огня, прием не
был теплым. Судя по нынешнему поведению
Ну'меана, прошедшие годы не стяжили
его.

Претор включил свои гало-фонари на
полную мощность и нацелил их в отрезок
коридора

впереди. Устрепанные шланги свисали
вниз, точно задюки. Где-то за пределами
видимости

зашипел пар, вырывающийся из клапана.
По словам Этека, они были примерно в
часе пути от

точки слияния «Глориона» с «Протеем».

Как и боевые братья, Тсү'ган последовал примеру сержанта. Поначалу он не увидел ничего, кроме истерзанного металла, сломанных труб и кабелей, похожих на извергнутые внутренности, залитые резким магниевым светом. Затем что-то зашевелилось на краю конуса света, медленно подкрадываясь в полутрапе.

— Во имя Вулкана! — взревел Тсү'ган, и к боевому кличу присоединился хор его братьев.

Генокрады посыпались со стен, словно толлюски с днища древнего корабля, и тут же

скачками бросились вперед. В то же время решетки в потолке обрушились вниз, и оттуда

густым потоком полились твари.

Новодя по сторонам штурмболтером, Тсү'ган припомнил лавовых муравьев Ноктюрна,

собирающихся у гнезда, чтобы отвадить всякого, кто на него посягал. Вот только

здесь

лавовые туравы были крупнее человека, а туравейником был прогнанный скиталец, дрейфующий в глубинах космоса.

Каждый снаряд попадал в тело ксеноса. Повсюду отвратительными цветами распускались

взрывы, разбрасывая всюду клочья мяса и конечности, но генокрады продолжали наступать.

-- Что-то ведет их! -- рыкнул Тсу'ган и сделал было шаг назад, когда наткнулся своим

наплечником о чей-то грузой и остановился.

Претор стоял рядом -- кератитовая скала перед приближающимся приливом чужаков.

-- Только вперед, брат. Сопротивляйся. Наша воля сильнее, -- он повернулся к другому

Огненному Дракону. -- Храйгор, расчисти нам немного пространства.

Выйдя справа от Претора, Храйгор

шагнул вперед и нацелил штурмовую пушку.

Воздух мгновенно заполнился визгом вращающегося ствола, с невероятной частотой

изрыгающего высокоскоростные снаряды. Двигая оружие влево и вправо, Храйдор громко

возрадовался, распевая литании Кредо Прометея и попроша толпы генокрадов, которые

начали заполнять коридор.

-- Кажется, мы расшевелили улей, брат-сержант, -- заметил он.

Тсу'ган услышал, как Претор бормочет:

-- И я знаю единственный способ его расчистить... Ну'теан!

Второй сержант кивнул и сделал жест брату Колоху.

-- Сожги их! -- выкрикнул Ну'теан, и Огненный Дракон включил тяжелый огнемет.

Жидкий прометий вспыхнул, соприкасаясь с горелкой, и поглотил отрезок коридора

впереди.

Несмотря на жар, некоторые ксеносы все еще упорно атаковали.

-- Ве'кум, Меркурион!

Еще двое Огненных Драконов ответили на приказ Ну'меана, взрывая точными болтерными

выстрелами окутанные пламенем тела, падающие под струей огня. Несколько секунд, и все

было кончено.

Визг еще долго не умолкал, когда генокрады уже были мертвы, обращены в пепел нестерпимо

жарким пламенем огнемета. Дым висел в воздухе, будто саван.

-- Что это за шум? -- спросил Этек. Он подошел близко к стоящим сзади, и теперь ему было

слышно без комм-связи.

-- Ты когда-нибудь жарил крестациг или хитин на открытом огне? -- спросил Храйдор, позволяя стволу штурмовой пушки какое-то время покрутиться и

стыть, прежде чем

окончательно отключить ее.

Апотекарий покачал головой.

— Брат, это воздух, — резко сказал Тсу'ган, которого нежного раздражала явная наивность

Эмека, — он выходит через швы в панцирях.

— Молодец, змееныш, видать, в тебе есть больше, чем просто гнев и грозный голос.

Тсу'гану захотелось ударить так, чтобы вдавить перед шлема Храйдора тому в лицо, но он

сдержался. Вместо этого он медленно подошел к Претору, который прижал руку к стене. Двое

членов отряда Ну'меана проверяли, полностью ли безопасен путь впереди.

— Брат-сержант?

— Знаешь ли ты, что я чувствую, прикасаясь к стенам этого корабля?

Взгляд Претора был твердым, как гранит. Со времени вступления в ряды Огненных Драконов

Тсү'ган успел увидеть сержанта с другой стороны. На Скории, сражаясь с орками, он выглядел

так, будто энергия и пафос в нем переливались через край. Теперь он был угрюмым и

погрузился в себя. Смерть Н'келна, когда уже была близка победа, изменила его так же, как

убийство Кагая изменило Тсү'гана. Гибель капитанов часто так влияла на их товарищей по

оружию, даже если те были из другой роты.

— Я чувствую скорбь, — Претор нахмурился. — Что-то живет внутри корабля, в каждой его

частице. Это не Салатангра и не генокраг, это не физическое существо, которое я мог бы

потрогать или убить, — сержант понизил голос. — Это меня беспокоит, и очень сильно.

Положи руку на стену, брат, и

почувствуешь это, -- добавил он, отходя в сторону.

Тсү'зан ответил почти шепотом:

-- Я не хочу, мой господин.

На предыдущей миссии на миресвятилище Склеп-IV Огненные Драконы столкнулись с почти

неуязвимым врагом. Битва с ним унесла жизни, отняла братьев. Бремя этой потери, как

оказалось -- бесполезной, давила на плечи Претора так же тяжело, как ворот его брони.

-- Хорошо, -- сказал он. Претор еще на мгновение задержал взгляд на Тсү'зане, прежде чем

тяжело зашагать прочь, чтобы поговорить с Ну'теаном.

-- Всюду боль, брат, -- добавил он, уже повернувшись спиной. -- Прими ее в пламени войны

или же беги, отдав ей власть над собой. Я не могу сделать этот выбор за тебя.

Затем он ушел, оставив Тсү'зана

размышлять над его высказыванием.

Точка слияния находилась там, где древняя палуба инженериюта пробивала то, что, судя по

сенсорам и планам корабля, было средней палубой «Протея». Это было хорошо -- значит, помещение криостазиса окажется недалеко от входа. Однако ителось препятствие -- несколько

тонн обломков не давали пробиться в следующий корабль напрямую из одного корнуса в

другой.

Такая проблема могла оказаться непреодолимой для обычных исследователей или даже для собратьев-Астартес. Но не для терминаторов.

-- Тяжелым оружием -- охранять подступы сюда, -- сказал Претор, -- остальные... вскрывайте

корабль.

Воздух прорезал звук работающих цепных кулаков, и оба отряда принялись за работу.

рубя и

пиля.

— Апотекарий, держись погальше, —
добавил сержант. — Не рискуй своим
грузом, брат.

Этек кивнул и посмотрел на сосуд,
закрепленный в его перчатке. Внутри
тихо переливался
химический раствор.

— Если мы найдем взрывостойкую дверь
или даже запечатанную переборку, я,
возможно, смогу открыть ее отсюда. Это
ускорит наше продвижение.

Претор кивнул апотекарию, а затем
набросился на препятствие с грохотом
топота.

Этек снова глянул на сосуд. Маленькая
игла для инъекции обеспечит ввод
раствора, который

был красного цвета и слегка светился.
Этек мало что знал о его происхождении,
но понимал, что это сильнодействующее
вещество. Чуть меньше пятидесяти
миллилитров в прозрачной

трубке из бронестекла размером с
большой палец аптекаря.

Столь многое зависит от столь малой
вещи.

Они нашли дверь. Это был давно не
используемый технический люк в кормовой
части

«Протея», который вел к короткому
переходу на среднюю палубу корабля. Но
нельзя

пройти только один терминатор за раз,
поэтому они двигались медленно. Зато
это дало

Тсу'гану и тем, кто также шел впереди,
возможность разведать обстановку.

В отличие от «Глориона», в древнем
ударном крейсере Саламангр все еще
сохранялась

нестабильная подача энергии.
Лютолатны прорезали темноту
угрожающими вспышками света, освещая
темные помещения корабля. Бронза кое-где
была дочерна обожжена давним,

угасшим много лет назад огнем. Палубы

под ногами покрывал ковер сажу, которая
шевелилась подобно спящему торю всякий
раз, как кто-то из Огненных Драконов
делал шаг.

Зола облепила стропила и поперечные
балки, будто серый грибок.

Они вышли в большую шестиугольную
комнату. В разные стороны от нее
отходило пять

коридоров, оканчивавшиеся консолями,
превращая комнату в нечто вроде центра
управления.

На стены были нанесены различные знаки
и изображения. Символы Саламандр ---
пламя, змей

и голова дракона --- слабо поблескивали под
гало-лучами терминаторов. Лампы
наверху также

была шестиугольной, и свет расходился
вокруг, повторяя ее рисунок.

Этек сосредоточенно изучал подсвеченную
зеленым консоль, когда к нему подошел
Тсу'ган.

-- Не отходи слишком далеко.

-- Ты слишком беспокоишься обо мне, брат.
Я могу и сам себя защитить.
Тсү'ган наместливо фыркнүл.
-- Это Узнеец взрастил в тебе подобное
высокомерие?
Апотекарий когда-то был воином Дак'ира,
которого Тсү'ган назвал "Узнейцем". При
мысли о

бывшем сержанте на лице Огненного
Дракона появился непрошенный оскал.

Этек предпочел не реагировать. Даже
сейчас, когда у него появились новые
обязанности, боевые братья из старых
тактических отделений все еще
неприязненно относились друг к
другу.

-- Что ты делаешь? -- резко спросил
Тсү'ган, когда понял, что апотекарий не
собирается
отвечать.

-- Проверяю связь с аварийными
системами.

-- У?

Этек повернулся.

-- Даже по прошествии столетия все, похоже, работает. Криостатическая камера в полной

сохранности. Корабли вроде «Протея» строились на века. -- Он прервался и посмотрел в глаза

Тсү'гану. -- Тебя раздражает, что я посвящен в некоторые детали этой миссии, которых ты не

знаешь?

Тсү'ган стиснул кулак, и сервомоторы в его перчатке как будто зарычали.

-- Любопытство однажды убьет тебя, брат. Или, возможно, хуже... возможно, оно погубит

твой оптимизм и сломает тебя.

Тсү'ган уже уходил, когда Этек произнес ему в спину:

-- Это будет до или после того, как ты себя сожжешь в пепел в солиториуме?

-- Что ты об этом знаешь? -- Тсү'ган остановился и огрызнулся в темноту.

-- Когда я принял мантию Фүгиса, то взял и его заметки и данные из апотекариона.

Сам

употинается твое имя.

Тсу'ган словно одеревенел, но затем голос

Эмека стягчился.

-- Скорбь не постыдна, но опасна, когда
направлена внутрь.

Тсу'ган не обернулся, хотя очень этого
хотел. Выяснить, что Эмек знает о его
пристрастии к

боли, он будет потом -- его внимание
привлекло нечто иное.

-- Что ты знаешь о горе? -- пробормотал он
вместо этого и прошел во вход-арку,
отделявшую

комнату от широкой галереи.

По обеим сторонам глинного помещения
тянулись ряды дверей. Выглядело оно, как
изолированный покой для пациентов,
проходящих интенсивное лечение. Пол был
частично

покрыт белой плиткой, кое-где
испачканной серым, кое-где расколотой или
сорванной с

места. Двери -- пласталевые, с

одинокими статорными окошками —
тоже были белыми. На
некоторых имелись поблекшие пятна, в
полутрапе выглядевшие почти
коричневыми или
черными.

Тсу'ган наторщил нос от запаха, похожего
на смесь озона и горящего мяса. Глухой
отзвук его

шагов совпадал с биением сердца. К этому
громким ударам присоединилось легкое
постукивание, будто пальцем по стеклу.
Тсу'ган пошел на звук. Автоматства не
предупреждали

о каких-либо опасностях. Гравитация и
содержание кислорода стабильно
держались на

приемлемом уровне. На «Протее» все было
спокойно. И все же...

Звук исходил из-за одной двери. В памяти
Тсу'гана промелькнул образ, но ухватиться
за него

было так же сложно, как удержать в руках
дым. Сердцебиение участилось. Он

двинулся к

двери, с каждым шагом та была все ближе. Осознав, что медлит, Тсү'ган обругал себя за

слабость. И все же...

Ретинальный дисплей Тсү'гана не сообщал ни о каких угрозах. Ни тепловых следов, ни движения, ни выбросов газа или энергии. Длинная камера была чиста. И все же...

Он подошел к двери, вытянул пальцы силового кулака, чтобы дотронуться до стекла. Когда до

него осталось несколько сантиметров, свет замигал, и Тсү'ган посмотрел вверх, на

лютолатны. Когда он перевел взгляд обратно на окошко, в нем было лицо, смотревшее на него.

Частично распавшаяся плоть, отслоившиеся мышцы — скорее череп, нежели узнаваемый

человеческий облик. И все же Тсү'ган точно знал, кто это.

-- Ко'тан...

Его мертвый капитан пристально смотрел на него через окно. Тсу'ган с ужасом увидел

костяные пальцы, поднимающиеся и воспроизводящие положение его собственных, как если

бы он смотрел в некое гротескное зеркало, а вовсе не в стекло.

Новый запах подавил зловоние горящего мяса и мельта-выбросов. Жар и сера, звук трескающейся мазмы и аромат дыма. Расплывчатая фигура отразилась в стекле позади него.

Красная броня оттенка крови, украшенная рогами и чешуей...

"Воин-Дракон..."

Тсу'ган развернулся так быстро, как только позволил его неповоротливый доспех, целясь из

штүрмболтера и рыча от нестерпимой тьмы.

Претор отбил оружие в сторону, направив снаряд в пол, где тот взорвался, никому не

причинив вреда.

-- Брат! -- воззвал он.

Тсү'ган видел только врага. Жар поднимался от брони Воина-Дракона, размывая его

очертания. Здесь были отступники, убившие Ко'мана Кагая. Неважно, как они оказались на

этом корабле. Все, что заботило Тсү'гана -- это то, как они погибнут от его руки -- чем

кровавее, тем лучше. Тсү'ган убрал штурмболтер и вместо него активировал цепной кулак.

Приближались другие. Он слышал их, с грохотом бегущих к нему по палубе. Этого надо

прикончить побыстрее.

Претор принял удар цепных зубьев щитом. Искры каскадом посыпались ему в лицо, когда он

отбил кулак вверх.

-- Брат! -- повторил он.

Это слово, выплюнутое сквозь стиснутые

зубы, выражало гнев и вместе с тем
неверие.

Тсу'ган нажал вращающимися клинками
на щит, и ярость дала ему силу
превозмогнуть врага.

Ублюдок ухмылялся — он видел клыки за
ротовой решеткой боевого шлема Воина-
Дракона.

"Я вырву их..."

Потом красный туман перед глазами
рассеялся, и взгляду открылся Претор.
Муза

затешательства сержанту было
достаточно, чтобы ударить наверху
ротового молота в

грудь Тсу'гану. Заряд энергии пронизал
Огненного Дракона и заставил его рухнуть
на одно
колени.

Визг цепного кулака утих, и Претор
позволил своему молоту упасть рядом. Но
затем он

придвинулся ближе, вгоняя расколотый
край штормового щита под подбородок

Тсү'гану и

поднимая его на ноги.

-- Ты с нами? -- спросил Претор.

Язык Тсү'гана был парализован. Мир
вокруг него только начал заново обретать
смысл.

Остальные смотрели на него, держа
оружие наготове.

Претор сильнее нажал на щит, поднимая
голову Тсү'гана.

-- Ты с нами?

-- Да...

Это был лишь хрип, но сержант понял и
поверил ему.

Нү'меана было не так легко успокоить. Он
прицелился из штурмболтера.

-- Все кончено, -- сказал ему Претор,
вставая на линию огня второго сержанта.

-- Барн...

-- Заразил этот корабль, весь этот
скиталец, Нү'меан. Все прошло, -- Претор
подтолкнул

Тсү'гана в сторону, чтобы его

внимательно осмотрел Этек. Взгляд, который сержант бросил
искоса на Храйдора, сказал тому, что он
должен идти рядом и присматривать за
Тсу'ганом.

Нү'меан опустил оружие.

-- Как ты можешь быть в этом уверен? --
спросил он, когда Тсу'ган отошел.

Претор подвинулся ближе.

-- Потому что у меня тоже видения, --
прошептал он. -- Эта дрейфующая
развалина жива и

наделена сознанием варна. Что-то
направляет его в наши уты. Тсу'гана
застали врасплох, вот
и все.

Нү'меан сделал гримасу.

-- Он слаб, нельзя ему доверять.

-- Он прошел через врата огня и выдержал
испытание кузни-- он один из нас! --
настаивал

Претор. -- Разве ты можешь сказать, что
эта миссия и этот корабль не повлияли,
так или иначе, на твое поведение? Я ясно

это вижу, но признаешь ли это ты,
Ну'меан?

Ну'меан не ответил. Он пристально
смотрел на Тсу'зана, которого
биосканировал апотекарий.

Остальные Огненные Драконы уже
осматривали помещение, проверяя все
палаты по очереди

и сам центр управления.

-- Ты ошибаешься в нем, брат.

-- Нет никакой ошибки. Сейчас он во
власти вины. Знай, что его судьба -- среди
Огненных

Драконов. Я не брошу его...

Ну'меан гневно выплюнул:

-- Как я бросил других -- к этому ты
ведешь, брат?

Претор придвинулся к нему вплотную.

-- Возьми себя в руки, иначе я приду
командование тиссией. Все понятно,
сержант?

Кипя яростью, Ну'меан все же уступил и
еле заметно кивнул, прежде чем зашагать
в сторону.

Претор позволил ему уйти, потратив несколько секунд на то, чтобы совладать с собственными

эмоциями. Он снова посмотрел на ряды окошек, тянувшиеся по стенам, и гнев его ушел, сменявшись сожалением.

-- Я не брошу его, -- повторил он лишь для себя.

Из окошек на него пристально глядели лица, которые мог видеть только он. Гатхилу и Анкар, сраженные на Склепе IV; Намор и Клайтен, убитые на Скории, и дюжина других, чьи имена

стерлись в памяти, но которые остались на его совести.

-- Мы уже потеряли столь многих.

-- Это ничего, змееныш...

Храйдор стоял у плеча Тсу'гана, пока Эмек осматривал его на предмет ранений. Разжав

крепления, аптекарий осторожно снял шлем Тсу'гана. Внутрь немедленно хлынул нефильтрованный воздух. Несмотря на минувшие годы, он все еще вонял

атлиаком и

антисептиком. От дезинфицированного
воздуха кожа Тсу'гана зачесалась, и он
понял, что

жаждет прикосновения огня. Но не было ни
раскаленного прута, ни железа жреца-
клеймителя, чтобы утолить его
мазохистское желание.

-- Что значит «ничего»? Говори ясно, брат.
Ты как будто Темный Ангел, -- ядовито
ответил

Тсу'ган.

-- Стой спокойно, -- сказал Этек, схватив
Тсу'гана за подбородок и направив ему
фонарь в

глаза. Они вдруг ярко вспыхнули.
Апотекарий сверился с показаниями
биосканера и сохранил

данные для дальнейшего анализа.

-- Я -- это я, -- Тсу'ган пристально
посмотрел на Этека, будто подначивая его
прийти к любому

другому выводу. Однако в его подсознании
еще жило воспоминание о лице Кагая,

словно

старый сон, и он не знал, что его вызвало.

-- Я не вижу никаких физических отрицательных эффектов. Что до ментальных, то я не могу...

-- Тогда пусти меня, -- Тсу'ган дернул погбородком, освобождая его, и забрал обратно свой шлем.

Этек отошел, заметив на прощанье:

-- Твоя манера поведения, конечно, остается столь же дружелюбной, как обычно.

-- Ты уверен, что ты воин, Этек? -- устехнулся Тсу'ган и рывком надел боевой шлем.

Крепления автоматически защелкнулись, и он направился к Храйдору.

-- А теперь объяснись.

Другой Огненный Дракон не выглядел так, будто почувствовал угрозу. Вид у него был скорее

задумчивый.

-- Размер и тяжесть великого доспеха, который ты носишь -- это нелегкое бремя, змееныш. Он

когда-то принадлежал Утаану. Его эгиды вплетена в эгиду брони.

-- Я это знаю. Я был на ритуале. Я стоял перед кузней испытаний и прошел через врата огня. Я

ношу знак Утаана на собственной плоти вместе со многими другими почетными шрамами, данными мне за деяния, совершенные в битвах. Это причина, по которой я сейчас нахожусь

рядом с тобой. Я -- Зек Тсу'ган, бывший брат-сержант Третьей роты, ныне -- Огненный

Дракон. Я не твой змееныш!

Миз Храйдор безучастно смотрел на боевого брата, а затем громко расхохотался.

-- Я могу справиться и с доспехом, и с миссией, -- запротестовал Тсу'ган, отчего Претор

оглянулся на него. Через несколько минут

они закончат обыскивать и проверять
галерею.

Тогда можно будет отправляться дальше.

У Тсу'гана оставалось только это время,
чтобы заново привести себя в порядок. В
ответ на

хмурый взгляд сержанта он понизил голос.

— Я увидел... нечто. Реликт прошлого,
ничего более. Старый корабль, старые
призраки — вот
и все.

Храйдор внезапно посерьезнел.

— Возможно, ты прав, — его голос приобрел
задумчивый оттенок. — На Лукааре, до
того, как

стать Драконом, я сражался вместе с
Волками Гримхильда Скейнфельда. Это
была нелегкая

кампания, вели ее зимой, и Лукаар был
покрыт толстым льдом. Мы, Салатангры,
боролись с

ним огнем, а Волки сражались яростью.
Мы хорошо подходили друг другу. На
планету

вторглись зеленокожие, они поработали население и тянули из скважин протетий, как

обычные пираты.

Тсү'ган перебил.

-- К чему все это? -- прошипел он. -- Если ты должен следить за мной, так делай это молча и

избавь нас обоих от этой несущразицы. Позволь мне заново освятить оружие и доспехи без

твоей бесконечной болтовни.

-- Слушай и, может, услышишь, к чему это все, брат.

Да, подумал Тсү'ган, ему есть за что любить фенрисийцев. Им тоже нравятся непомерно

глинные саги.

-- Нас было мало, -- продолжал Храйдор, -- но до этого орки и их низкорослые собратья

воевали с рабочими, вооруженными лишь кирками и ледорубами. Они были плохо

подготовлены к битве с Астартес. Однако

там было кое-что, о чем ты не знала.
Тварь ---
кракен --- спавшая подо льдом. Наши
сражения потревожили его сон и
заставили подняться к
поверхности, -- голос Храйдора полтрачнел.
-- Он застал нас врасплох. Я был среди
первых.

Прежде, чем заговорил мой болтер, тварь
схватила меня, потащила своими
щупальцами.

Более слабого человека расплющило бы, но
той доспех и дарованная Императором
стойкость

спасли меня. Если бы не вмешался
Гримхильд, который метнул свой
рунический топор, чтобы

разрубить щупальце чудовища,
сомневаюсь, что я бы выжил. Не всем на
поле боя так повезло.

-- Волнующий рассказ, как нить дасть, -- с
сарказмом произнес Тсу'ган, -- но ты уже
готовы
выдвигаться.

-- Ты, как всегда, не видишь то, что прямо перед тобой, Тсү'ган, -- ответил Храйдор. -- Я все

еще полню этого кракена. Я хочу, чтобы он нашел меня в моем солиториуме, чтобы я мог

встретиться с ним лицом к лицу и победить его.

Тсү'ган не пошевелился, все еще не понимая.

Храйдор положил руку на его наплечник.

-- Если тебя преследуют призраки, это не делает тебя уникальным. Они есть у всех воинов, но

только то, как ты с ними справляется, делает нас сынами Вулкана.

Тсү'ган сбросил его руку движением плеча и пошел искать Претора. Он с нетерпением желал идти дальше.

-- Как скажешь, брат.

Рассеявшиеся по помещению Огненные Драконы снова сгруппировались и приготовились

выступать. Храйдор уже собирался следовать за ними, когда краем взгляда уловил нечто, уползающее прочь. Автоматства молчали. Когда он попытался проследить за этим -- что бы оно ни было -- оно исчезло. Остались лишь легкий запах океана и льда и густая воня чего-то древнего, давно позабытого.

-- Это ничего, -- сказал себе Храйдор. Корабль начинал воздействовать на них. -- Просто старый призрак.

Если верить плану корабля, то, следуя через юго-восточный проход медицинской палубы, они

вышли бы в аварийный ангар, а затем в камеру криостазиса. Оценив другие варианты в

медицинском отсеке, они пришли к выводу, что это -- самый рациональный маршрут,

поэтому Нутеан санкционировал его как оптимальный способ добраться до цели.

Хотя это

для него не так уж много значило -- он становился все более одержим целью с тех самых пор, как они взошли на борт «Протея». Претор согласился с этим мнением. Он вел свое

подразделение отдально от Ну'меана и его отряда, на этот раз заняв позицию в карьергарде, в

то время как другой сержант шел впереди, точно гончая по следу.

-- Утерь шаг, брат. Корабль серьезно поврежден и может не выдержать такой нагрузки, --

сказал Претор по комм-связи.

Ну'меан ответил через тот же закрытый канал.

-- Впрочем, это не твоя вина, да, Претор?

-- Ты недалеко продвинешься, если...

Что-то мелькнуло в тенях прохода -- длинного, узкого и слабо освещенного -- и заставило

Претора прерваться.

-- Обоим отделениям -- остановиться.

Хор грохочущих шагов стенился тихими шұтатами корабля, когда Огненные Драконы встали.

-- Что это? Крады? -- в голосе Нұтеана слышалось раздражение.

Сенсоры Претора молчали. Если ксеносы и присутствовали, то были невидимы для всех

обычных способов восприятия.

-- Что тут происходит? -- прошептал он про себя. Он заметил, что Храйгор тоже зорко

встатривается в тени.

-- Безопасно идти дальше или нет? У меня на сканерах ничего, -- сказал Нұтеан.

Претор посмотрел на Огненного Дракона слева.

-- Тсү'ган?

Тот вперил взгляд вперед. Голос его был тихим.

-- Я чувствую запах горелого мяса и озона.

«Не физическое сұщество, которое я могу потрогать или убить». Слова Претора

вернулись к нему же.

-- Сообщите мне статус криокамеры.

Новисла пауза, пока Этек искал данные.

-- Полностью функционирует, господин.

-- Угел мы или нет? -- Ну'меан не заболел тем, чтобы скрыть нетерпение.

Претор помедлил. Закрытые двери аварийного ангара были менее чем в ста метрах. Впереди

не было ничего, кроме темноты.

Что-то шло не так, но разве у них был выбор?

-- Веди, Ну'меан.

Ангар был огромен. Несколько причалов, состоящих из шлюзов, терминалов дозирования и

площадок для технического обслуживания, занимали его пространство. Большая часть, впрочем, приходилась на зону посадки, находящуюся прямо под сегментированным,

укрепленным адамантием потолком. Угелась в наличии и силовые щиты, последняя преграда, спасающая от

губительного воздействия реального
костоса, когда все помещение
открывалось пустоте. В доках стояло
шесть кораблей, все — модифицированные
«Грозовые

ястребы», с которых были сняты
оружейные системы, принесенные в жертву
большей

грузоподъемности. В каждом доке стояло
по одному, образуя два ряда по три корабля,
носами

внутрь, так что ряды пересекались под
углом и были направлены прямо на
приближающихся

Огненных Драконов.

В отличие от других дверей «Промея»,
Эмек не смог открыть вход в аварийный
ангар при

помощи внешней консоли. Ее пришлось
взломать. Воздух вырвался изнутри, как
предсмертный хрип. Сенсоры госпехов
показали, что он насыщен углекислым
газом и
азотом.

Модифицированные штурмовые корабли были не одиоки. Им составляли компанию мертвецы.

-- Это не ангар, это морг, -- сказал Храйдор, освещая фонарями, встроенными в его доспехи, более темные участки.

Скелеты в обрывках одежды -- некоторые в солдатской форме, другие одетые в то, что

осталось от роб, -- скопились вокруг забытых пылью посадочных опор кораблей, стоящих в

доках. Несколько валялись на открытом пространстве, постертное окоченение гротескно

скрутило их конечности. Некоторые были вооружены лазганатами и другим легким оружием

или же когда-то его имели. Было и другое оружие, не имперского образца.

Нутеан не выказывал уважения мертвым -- он двинулся прямо через помещение, натереваясь

пересечь четырехсотметровый ангар и

достичь криостазисной камеры за нил
так быстро, как
только возможно. «Я ждал этого целый
век».

-- Уходим. Мы ничего не можем сделать
гля... -- он прервался на полуслове, когда
наткнулся

сапогом на труп, который не ожидал здесь
найти.

-- Ксеносы? -- Тсу'ган тоже увидел его ---
даже не одно, а несколько чужацких тел.
Но

стройным очертаниям и
сегментированной броне он распознал
эльдар. Они не так сильно

пострадали от разложения, как люди, и
более походили на иссохшие трупы, нежели
на

лишенные плоти скелеты. Эльдар
посерели и съежились, глаза их
превратились в темные

ложбины, а волосы стали тонкими, как
осенняя паутина. На некоторых были
нагеты

конические шлемы с раскосыми
щелками, соответствующими
чуждым чертам
лица.

Этек наклонился над одним из тел. Он
стер налет пыли и обнаружил странный
символ, который был ему незнаком.

-- Какая-то каста элитных воинов? Что
они здесь делали?

Претор оценивающе остотрел обстановку.

-- Сначала сражались против нас, потом
бились за свои жизни. Здесь, в стене ---
следы когтей, слишком большие и широкие
для любого из этих тел.

Он обменялся встревоженным взглядом с
Ну'меаном.

-- Времени немного, -- тихо пробормотал
второй сержант.

Полосы рассеянного света, рассекающие
сверху пронизанный пылью воздух, мигнули
и

погасли. Питание отключилось, наполнив
комнату внезапной и абсолютной тьмой.

...

Тсу'ган почувствовал, как его облаченное в массивную броню тело начало подниматься.

...

Гравитация, как и освещение, отключилась.

Конья магниево-белого света, испускаемого гало-фонарями, пронзили, перекрещиваясь, траек

терминаторы начали парить в воздухе. Несмотря на свою массу, они неуклонно поднимались. Ничем не удерживаемые в доках, «Грозовые ястребы» взлетели словно в

замедленном запуске, подобно тяжеловесным гирижаблям, выпущенным на пронзительно

воющий ветер. Они бесшумно отрывались от посадочных площадок, и малейшее движение

воздуха меняло траекторию их неуклюжего полета.

Тсу'ган попытался включить магнитное

притяжение на сапогах, но по
ретиальному дисплею
пробежало сообщение «отказ системы»,
написанное символьным кодом.

-- Магниты не работают, -- прорычал он
братьям. Свет, исходящий от доспеха,
прерывисто

затигал. -- Гало-фонари тоже
отказывают.

Последняя вспышка перед тем, как свет
окончательно погас, осветила широкий бок

«Громового ястреба», со стоном
двигавшегося на Тсу'гана, словно
металлический айсберг.

Наковальня Вулка... гннррр!

Он врезался в корабль и отлетел в
сторону. Удар был жестче, чем ожидалось,
и тело

отозвалось на него болью.

-- Держитесь подальше от «Ястребов».
Используйте сенсоры движения, --
предупреждение

Нү'меана оказалось запоздалым для
Тсу'гана. -- Выпускайте газ из

невматических систем, чтобы направлять движение, а затем зафиксируйте страховочные тросы, -- добавил он.

Тсу'ган уже вращался по спирали, ожидая, пока займет более или менее вертикальное

положение, чтобы стравить часть газа, пытавшегося некоторые системы доспехов дыхательную, двигательную, силовые механизмы -- все они были жизненно важны в той или иной степени, однако имелись в определенном избытке, из-за чего выброс небольшого количества газа не был критичен.

В считанные секунды призрачные клубы газа начали разноситься по помещению -- Огненные

Драконы пытались сгруппироваться. Один из дрейфующих кораблей столкнулся со своим

собратом по эскадре, издав оглушительный грохот. Впрочем, это не помешало Тсу'гану

расслышать, как кричит Храйдор.

-- Зверь! Я вижу его! Вступаю в бой!

Воздух рассек залп штурмовой пушки,
гульная вспышка озарила темноту.

Выстрел

отшвырнул Храйдора назад, он
крутанулся и врезался в огню из стен.

-- Во имя Вулкана, -- протянул он, еще не
совсем придя в себя от столкновения, и
снова нажал

на спуск.

-- Остановись и прекрати огонь.
Отключить все оружие! -- Претор плыл к
нему так быстро, как

только мог, оставаясь за пределами зоны
стертоносного огня Храйдора.

Тсу'ган тоже был невдалеке и двинулся на
помощь. Он слышал, как сержант
бормочет:

-- Оставьте меня, братья. Оставьте меня.
Вы рядом с Вулканом, чей огонь бьется в
моей

грудь...

Он не понимал, к кому обращается

Претор. Остальные Огненные Драконы
оказались рассеяны

по помещению. Некоторые пытались
пристегнуть тросы к чему-нибудь
неподвижному. Другие

вели себя... странно. Стремительно
стелая друг друга, в котл-связь сыпались
их сообщения.

-- ...не могу двигаться... мои доспехи... как
камень.

-- ...системы отказывают... кислород
загрязнен...

-- ...ксеносы! Крады в трюме! Разрешение
атаковать...

В последнем голосе Тсу'ган узнал
Ну'меана.

-- Все мертвы... оставить корабль... вся
команда... мертва... мои братья...

Этек, которого Тсу'ган успел разглядеть
краем глаза, исчез внизу, направившись к
чему-то на

палубе -- в целом он двигался гораздо
лучше, чем более тяжелые терминаторы.

Он также был

одним из немногих, на кого не повлияло то
--- что бы это ни было --- что атаковало их.
Потом он увидал его.

Лицо --- лоскутное, испещренное шрамами
тесиво; глаза с алыми веками, горящие
ненавистью; красно-черный доспех с
чешуей, покрывающей нагрудник; рогатые
наплечники и

глинные ногти цвета киновари на латных
перчатках. Ошибки быть не могло.

Это -- Нигилан.

Предводитель Воинов-Драконов -- здесь, и
его трижды проклятое варп-колдовство
окутало их

всех.

Тсу'ган должен очистить «Протей» от
предателей. Он покончит с ними всеми.

Губы Нигилана шевелились. Голос,
похожий на треск пергамента,
резонировал в голове

Тсу'гана.

-- Я ничего не боюсь! Ничего! -- выплюнул он
в ответ на обвинение, которое мог
слышать

только он.

Отступник улыбнулся, показывая
маленькие клыки.

-- Я убью тебя, чародей... -- Тсү'ган
ухмыльнулся, наводя штурмболтер на
ненавистного врага.

И тут Тсү'ган замер как вкопанный. Его
оружие, перчатка и наруч, вся рука...

-- Нет...

Так велико было его стяжение, что он
едва смог это выдать.

Красная и черная броня покрывала тело
Тсү'гана, заняв место привычной зелени
Саламангр.

Крошечные крупцы пыли посыпались из
трещин в сочленениях, и он чувствовал,
как под

давлением с него слезит кожа, как со змеи.
Ноздри наполнила тедная вонь, источаемая
его

собственным телом. Он знал этот запах.
Тот преследовал его во снах, обещая кровь
и

предсказанное предательство. Боевой

илет Тсү'гана лишился облика дракона ---
он был гол и

оканчивался тупоносой мордой, вырезанной
из кости. С окровавленных цепей,
обмотанных

вокруг тела, свисали черепа.

-- Аргхх! -- на этот раз он закричал громче
-- мимо пролетел «Громовой ястреб», на
миз скрыв

Нигилана из виду. На боку машины
непостижимым образом отразилось лицо.
Тсү'ган

всмотрелся в него и вместо себя увидел
Гор'гхана, отступника, который убил его
капитана.

Это был он, он был им. Выродок. Убийца.

Штүрмовик пролетел мимо. Нигилан
стеялся, стоя на палубе внизу.

Тсү'ган рванулся к чародею, хватаясь за
все, что можно, чтобы подтянуться ближе,
сбрасывая

пневматическое давление из госпеха.

Два столкнувшихся корабля едва зацепили
его, но Тсү'ган почти не заметил этого в

своем

стремлении добратся до Нигилана. Вокруг него братья сражались с собственными

фантомами. Воинственные завывания Храйдора стали похожи на белый шум. Тсу'ган ни на

что не обращал внимания. Они ничего не значили. Что-то по касательной ударило в наплечник, отдаваясь мучительной болью через весь доспех, но он претерпел и выдержал ее.

Значение имела только месть.

"Жизнь за жизнь". Этими словами он воспользовался, чтобы оправдать убийство.

Тсу'ган оказался достаточно близко, чтобы добратся до своей жертвы.

Схватив предателя за шею, он стиснул ее.

— Стейся теперь, ублюдок! Стейся!

И Нигилан растеялся. Он стаялся, и кровь текла из его рта, а на лбу вспухали вены, по мере

того, как Тсу'ган медленно сокращал его шею.

Голос Этека пробился сквозь пелену, упавшую на все помещение и Огненных Драконов.

-- Восстанавливаю питание. Держитесь.

Гравитация вернулась, как и освещение.

Терминаторы упали. Рухнули и штурмовые корабли, будто астероиды с неба.

Кусок фюзеляжа «Грозового ястреба» едва не попал в Тсу'гана, разминувшись с ним менее

чем на метр. Обломки, отколовшиеся от корпуса штурмовика при ударе оземь, дождем

осыпали госпехи, но они выдержали обстрел. В руках у него был трүн со сломанной шейей, и, когда он ослабил бешеную хватку, голова мертвеца отвалилась.

Тсу'ган выпустил жалкое тело мертвого серва. Отвращение перешло в облегчение, когда он

увидел заново наполнившую его уверенностью зелень боевого госпеха.

Галлюцинация

прекратилась. Он снова был собой, хотя ментальная травма все еще была, как будто ожидая, что ее снова разбередят.

-- Что случилось?

Прежде чем ответить, Претор отпустил Храйдора, который тоже пришел в себя, но был

потрясен тем, что с ним произошло.

-- На борту этого корабля кое-что есть. Нечто, что удерживается в состоянии покоя его

системати, -- признался он. -- Как здоровое тело обороняется от вторжения извне, так же

делает и это судно.

-- Как это возможно, брат-сержант? Это же просто корабль.

К нему подошел Нутеан. Огненные Драконы собрались вместе, чувствуя себя сильнее рядом с

товарищами, и все они желали знать, что за феномен таится в коридорах «Протея». Но

счастью, терминаторы избежали гибели
и рушащитися «Грозовыи ястребати».

-- Корабль, который был в Варне, --
ответил он Претору. -- Его зловоние
распространяется с

каждым оборотом систем
жизнеобеспечения. И это еще не все.

Этот миг был полон предчувствия, как
будто вот-вот должно было раскрыться
что-то ужасное.

В конце концов, Претор нарушил
молчание:

-- Если вы увидите, то объяснить будет
проще.

-- Увидим что? -- спросил Храйдор, к
которому возвращалось самообладание.
Вторжение в их

разумы было столь мощным и
мучительным, что обычного человека
превратили бы в

бессвязно бормочущую развалину. Однако
же костические десантники были созданы
из более

прочного материала -- их способности

погверзлись испытанию, но они не
чувствовали
каких-либо глительных последствий.

-- В катере криостазиса, -- сказал Нү'теан.
-- Мы сейчас отправится тудя. Пойдем.

Он повел их по причалу, теперь
заваленному обломками упавших
«Грозовых ястребов» и
үсеянному небольшими очагами
возгораний. Этек погал голос.

-- С показателями погачи энергии что-то
не так, -- сказал он, ни к кому конкретно не
обращаясь. Апотекарий стоял перед
основной консолью управления в помещении
и
просматривал поток данных
относительно недавнего отключения
энергии.

-- Оно не было вызвано случайным
перенагом в сети? -- спросил Претор.

Этек повернулся к нему.

-- Нет, господин. Питание систем корабля
было перенаправлено в другой отсек.
Похоже, бүгто

кто-то использовал эту энергию, чтобы
открыть ранее запечатанную переборку.

-- Генокрады так себя не ведут. Они
блуждают, не выходя за пределы области,
которую

колонизировали. Изучение окрестностей
не в их природе, -- сказал Ну'меан.

Тсу'зан ступил вперед, в круг,
образовавшийся между двумя сержантами
и апотекарием. Его

тон был слегка раздраженным.

-- И что это точно значит?

Претор ответил, не глядя на него. Взгляд
его был прикован к гальней взрывостойкой
двери и

пути вперед, к катере криостазиса.

-- Это значит, что мы не одни на корабле.
Кто-то еще поднялся на борт «Протея».

Остаток путешествия к криостазисной
катере они проделали в тишине. Узнать,
кто или что

еще было на борту «Протея», или как
далеко оно было от Огненных Драконов,
было

невозможно. Теперь они проявляли
предельную осторожность. Каждое
ответвление, каждую
нишу проверяли и перепроверяли.

Несколько минут, несколько отрезков
тесных и узких коридоров, и, наконец, они
достигли

части корабля, отведенной под
криостазис. Перед камерой был
перекресток, от которого

расходились четыре коридора. По одному
они пришли сюда. Еще два тянулись влево
и

вправо. По словам Эмека, тот, что уходил
вправо от того места, где находились
Огненные

Драконы, вел к хранилищу спасительных
капсул. Левый уходил в глубины «Протея»,
к

технической подпалубе. Короткий отрезок
коридора примерно в метр длиной шел
далее

вперед, к самой криокамере.

Комната была очень надежно запечатана.

Ее отсекала практически непроницаемая переборка, не давая проникнуть внутрь праздным исследователям. Ранее

«Протей» был кораблем

Нулмеана. Брат-сержант владел кодами доступа, которые могли открыть помещение и то, ради

чего они прошли весь этот дальний путь, да еще вместе с апотекарием.

Переборка втянулась в толстые стены коридора по обеим сторонам, исчезнув в ранее скрытых

от глаз пазах, которые закрылись после завершения процедуры.

Холодный воздух, подернутый дыткой жидкого азота, сочащегося из помещения, танил их

ближе. Комната была не особо велика или чем-то примечательна. Она имела квадратную

форму, и в ней стояло двадцать прозрачных цилиндрических камер, похожих на гробы, куда

мог бы войти костический десантник в

полной броне. Там могли размещаться
члены команды

во время долгого путешествия по космосу.
Там же держали тяжелораненых, пока не
добирались до костической станции или
дока, где имелось более совершенное
медицинское

оборудование, чем то, которое было на
крейсере.

На тот момент, когда Огненные Драконы
проникли в комнату и разошлись в
стороны, в ней
был только один обитатель.

-- Мы привели тебя не для того, чтоб ты
кого-то спасал, брат Этек, -- сказал
Претор, стоя

рядом с единственной занятой
криокамерой.

Внутри, за подернутым кристаллами
изморози стеклом, виднелся силуэт
чужака.

Мертвенно-спокойного и лишенного
шлема. Миндалевидные глаза эльдар были
закрыты. Его

вытянутое, заостренное лицо походило и на мужское, и на женское и было странно симметричным. Поверх сегментированной брони, покрытой необычными, чуждыми рунатами, чужак был облачен в мантию. Руки сложены на груди. Существо напугало некое странное спящее дитя, на вид одновременно неприятное и обманчивое.

-- Нет, никак не спаситель, -- произнес Элек, с новообретенным пониманием, взвизывая на

сыворотку в своей перчатке. -- Я здесь в качестве палача.

-- И теперь ты это знаешь, -- нарушил тишину Ну'леан, не желая ждать ни секунды.

К криокамере тянулись трубы, закачивая растворы и газы, необходимые для того, чтобы

поддерживать существо в состоянии анабиоза. Как и у всех остальных, у него умелась

консоль, управляющая работой камеры.

Маленькое гнездо, гостеприимно
окруженное

латунным кольцом, позволяло вводить
добавки в смесь жидкого азота и
жидкости, которые

сохраняли жизнь обитателю камеры.

Претор положил руку на плечо Ну'меана.

— Подготовь его к тому, что должно быть
сделано. Мы будем охранять вход. Если те,
кто

проник на корабль, недалеко... — он не
сговорил то, что подразумевал. Затем
отдал

Огненным Драконам приказ выйти и
оставить Эмека и Ну'меана наедине с
замороженным
чужаком.

Тсу'ган удалился с неохотой, желая знать,
почему этот единственный чужак так
важен и

почему они попросту не вогнали ценные
кулаки в стекло и не убили его без всяких
ненужных

церемоний.

-- Смерть чужаку, -- тихо сплюнул он, уходя.

-- Нервно-паралитический яд убьет мозг этого существа, -- объяснил Нү'теан. -- Смертоносный

и быстродействующий, но его можно ввести только через латунное гнездо, -- он указал на

кольцо на консоли.

-- Я думал, что моя миссия -- оживить одного из наших потерянных братьев, -- сказал Этек, не

понимая неуместность этой фразы и разглядывая неподвижное, чуждое тело эльдар. Он

немного знал об этой расе и узнал в нем проводца, что-то вроде эльдарского колдуна. -- Это

существо насылало на нас свои психические эманации с тех пор, как мы высадились на

«Протей».

-- Да, -- ответил Нү'теан с необычным спокойствием. Теперь, когда конец был

так близок, он

наконец успокоился. -- Из-за воздействия Варна он привязан к кораблю -- ибо это он, тужчина.

Претор чужал его, как и я, но я не говорил об этом. Криопроеесс -- единственная вещь, сдерживающая эту тварь. Без него, даже при малейшем его нарушении, эльдар бы свободно

обрушил на нас свое колдовство. Я потерял почти три тысячи людей на этом корабле, чтобы

пленил это существо. Жестокая судьба ввергла нас в варп-шторм, как раз когда его пытались

освободить сородичи-ксеносы. Я никак не мог помочь тужчинам и женщинам на этом

корабле. Я также потерял боевых братьев. Мой приказ прекратить эвакуацию обрек их всех.

Даже теперь, когда минуло много лет, все эти жизни... все те, кого Саламангры поклялись

защищать, -- это остро ощущалось
Нү'меаном. Возможно, провидец больше и
не был

военнопленным, но он по-прежнему был
врагом.

Этек заметно напрягся.

-- Что надо сделать, чтобы убить его?

Нү'меан начал процедуру открытия порта
для принятия сосуда. Он снял боевой шлем,
чтобы

лучше видеть и управлять консолью.

-- Это займет лишь мгновение. Подготовь
сосуд, -- сказал он.

Этек извлек его из перчатки и
подготовил шприц на конце.

-- Готов, господин.

-- Уже почти... -- начал Нү'меан, когда
энергия, питавшая криокатеру, полностью
отключилась.

Снаружи погас свет.

Едва развернувшись, чтобы войти обратно
в помещение, Претор увидел, как
апотекарий

отшатывается от криокамеры, и вспышка дуговой молнии сбивает его с ног. Она вырвалась из

стазисной камеры. Крик эхом отразился по всей комнате, и Элек завертелся на месте и упал на пол.

Еще одна молния хлестнула, подобно плети, и по поверхности камеры прокатились

бүшующие волны психической энергии. Нү'меан пошатнулся, когда в него врезался разряд, но

остался на ногах, защищаемый крестом терминатора.

-- Назад!

Не желая подвергать новым испытаниям силу личного оберега, Нү'меан схватил Элека за

лодыжку и поволок его по полу.

-- Штүрмболтеры! -- взвыл Претор.

Тсү'ган вступил внутрь и выпустил очередь. Взрывчатые снаряды

остановились в нескольких

сантиметрах от замерзшей крионической катеры и без всякого вреда детонировали в воздухе.

Взрывы отразились наружу, как будто наткнувшись на какое-то миниатюрное пустотное поле, и рассеялись, обратившись в ничто.

Нү'меан увернулся от очередного разряда молнии, практически вышвырнув Элека через порог

и бросившись из катеры следом. Переборка захлопнулась позади, и Претор тут же ее запечатал. По крайней мере, двери все еще работали, по-видимому, регулируемые другой

частью внутренней энергетической сети корабля.

Несмотря на то, что катера была запечатана, а энергия все еще была отключена, Тсү'ган

чувствовал, что видения возвращаются. Хотя логика твердила, что они нереальны, чувства

восставали против этого. Они говорили

елу, что он ощущает запах меди, висит,
как тени

сливаются, порождая врагов в глинном
коридоре впереди, чувствует горький
привкус серы, обжигающий небо.

-- Будьте крепки разумом, братья, --
сказал Претор. Ну'теан остатривал
Этека.

-- Апотекарий тяжело ранен, -- сказал он, и
на него снова нахлынули застарелая вина и
чувство

беспомощности.

Большая трещина разделяла нагвое
нагрудник апотекария. Ее переполняла
кровь. Был и след

ожога -- глинный черный рваный зигзаг,
пятнающий броню, будто сам был раной.

Часть

шлема Этека откололась. Глаз,
затянутый алым, торгал, источая
кровавые слезы.

-- Я ранен... -- прохрипел он. Попытался
посмотреть по сторонам, но не смог. Кровь
клокотала

в горле, и он слышал медленное биение
второго сердца, пытавшегося справиться с
травмой.

Тсу'ган смотрел на него, чувствуя, что
гнев, который он испытывал в отношении
апотекария, исчез, и его заменила тревога.
Он был ему братом, и теперь, когда
Тсу'ган смотрел в лицо его

возможной смерти, он понимал, что низко
вел себя с аптекарием. Это было
поведение, недостойное Саламандры с
Вулкана. Возможно, Этек и был когда-то
связан с Узнеаном, но

он не был тем, кого ненавидел Тсу'ган.

-- Он утирает, -- произнес Тсу'ган.

Нү'меан проигнорировал его.

-- Надо восстановить питание в
криокамере, -- сказал он Претору. -- Я не
оставлю дело
незавершенным.

Претор кивнул. Огненные Драконы
столпились в коридоре. Они сформировали
защитный
периметр, следуя отработанной

тренировками методике. Что

Саламандры умели делать -- и
умели делать хорошо -- так это держать
оборону.

-- Стойте здесь, -- сказал он, -- и будьте
готовы снова выдвигаться по моему
сигналу. Планы

корабля у меня. Я со своим отрядом
добраться до энергетического центра
корабля, -- он

многозначительно нахмурился. -- Затем я
найду того, кто отрубил питание, и
сделаю с ним то

же самое. Крови будет много.

-- Во имя Вулкана, брат, -- сказал Ну'теан,
когда они пошли прочь.

-- Нам понадобится его воля на это, --
ответил Претор, с лязгом двигаясь по
коридору.

Немногим далее в сторону уходило
ответвление, ведущее с медицинской
палаты в глубины

холодного сердца «Протея».

Тсу'ган внимательно взглядывался в тени.

Эта часть «Протея» была по большей части

неповрежденной и несколько жутковатой, как будто вся жизнь в ее пустых коридорах попросту исчезла. Ни борьбы, ни повреждений, просто пустота.

-- Не вижу признаков заселения крагати, -- сообщил брат Во'кар. Он шел в паре с Тсу'ганом, и

они вместе двигались к энергетическому центру под предводительством Претора.

-- Будьте наготове, -- посоветовал сержант. Позади них, в темноте, Храйдор водил штурмовой

пушкой по сторонам. Последний член отряда, брат Инвиктез, шел в полшаге впереди него.

-- Здесь мы встретим не ксеносов, -- заключил Претор.

На расстоянии от криокамеры стало легче. Хронометр говорил Огненным Драконом, что они

покинули отряд Ну'меана ровно тридцать три минуты назад. Тсу'ган достаточно

точно

рассчитал, что за это время они ушли примерно на несколько сотен метров. Но, несмотря на

диспанцию, он все еще чувствовал те же ощущения, явившиеся из прошлого и давившие на его решимость.

Впереди мелькнула тень, но прежде чем он нацелил штурмболтер, она как будто растворилась

в дыму. В рециркулируемом воздухе висела густой запах меди. Был ли он создан психическим

воздействием или реален -- Тсу'ган не мог сказать. Он видел, как Претор взглядывается в

темноту, также видя призраков в самых темных углах и сознательно отводя взгляд.

Показатели пульса и дыхания Храйдора, отображающиеся на тактическом дисплее Тсу'гана, были повышены. Претор тоже это видел.

-- Держитесь, братья, -- он не обращался к кому-то в отдельности, но Тсу'ган знал, для кого он

говорит это на самом деле. -- Наши умы -- враги нам. Полагайтесь на инстинкты.

Воспользуйтесь своей обычной ментальной тренировкой, чтобы найти равновесие. Мы родились, откованные Вулканом. Мы прошли сквозь врата огня и испытание кузни. Наша

отвага негибает, ибо мы -- Огненные Драконы. Помните об этом.

Серия утвердительных клятв была ответом брату-сержанту, однако все чувствовали

напряженность атмосферы, как будто по коже ползала змея. Храйдор отозвался последним.

Пока что они не встретили сопротивления. Планы указывали, что энергетический центр не так уж далеко.

Но, шаря лучами гало-фонарей во тьме, Тсу'ган не мог избавиться от тревожного

чувства, гнездящегося внутри.

У двери к криокамере в нетерпении ждал
Ну'меан.

Этек привалился к стене и все еще
истекал кровью. Апотекарий был в
сознании, однако не

совсем ясном. Он использовал все целебные
мази и бальзамы из нартециума, какие
только

мог. Братья, повинувась его сбивчивым
инструкциям, приложили все возможные
усилия, чтобы помочь ему. Теперь Этек
был в руках Вулкана. Либо он выдержит
наковальню и сойдет

с нее откованным заново, либо будет
сокрушен. В любом случае, Ну'меан
поместил сосуд в

латунную внешнюю оболочку и прикрепил
его магнитом к своему наручу.
Устройство было

маленьким, но не настолько тонким,
чтобы он не мог применить сыворотку
самостоятельно.

Это будет сложно, и лучше было бы

поручить дело апотекарию, однако этот вариант был

более не приемлет.

-- Сержант Ну'меан, -- донеслось по коммлинку из глинного коридора, где братья Меркурион и

Ган'дар охраняли ответвление, по которому Претор и его отряд двинулись к энергетическому центру.

-- Докладывай, брат.

-- Вижу контакты на сканерах. Быстро приближаются.

Ну'меан включил собственный биосканер, одно из устройств, встроенных в терминаторскую броню.

Он увидел несколько тепловых следов, далеких, но весьма реальных. По его расчетам, они

приближались из отсека, который ранее был запечатан.

-- Организовать защиту, -- сказал он братьям Колоху и Ве'киту, стоящим

рядом. -- Удерживать
позиции. Отступать только по моему
приказу, -- приказал он стоящим в
авангарде.

Что-то не так, подумал он. Провидец был
активен, и он ожидал атаки видениями и
ментальными тучами. Он ожидал
услышать вопли умирающих, узреть
горящие лица тысяч

людей, которых он обрек на смерть. Но
ничего не было, лишь терзающее чувство,
что нечто

не в порядке.

-- Удерживать позиции, -- повторил он,
ощущая, как внутри усиливается чувство
тревоги.

Храйдор что-то прошептал, но
недостаточно громко, чтобы Тсу'ган
услышал. Терминаторы

двигались по последним нескольким
коридорам в тесном строю, как древние
романские

легионеры. Некоторые воинские учения
Терры глубоко проникли в культуру

Ноктюрна.

Отставал только Храйдор.

Они прошли мимо нескольких ответвлений, каждое из которых вело в другую часть корабля, каждое было темным и глухим, и все их надо было проверить и просканировать, прежде чем идти дальше.

Тсү'ган уже собирался отправить Претору беззвучное предупреждение о вызывающем беспокойство боевом брате, когда на него сошло мгновенное прозрение. Ноющая боль в затылке, зуд, который он ощущал шей и плечами, незримое напряжение, которое пронизывало воздух, — ему это было знакомо. Он чувствовал это раньше.

Наблюдатели.

Наблюдатели в тени.

Что-то двигалось, почти недосыгаемое для чувств, во тьме. У Тсү'гана создалось впечатление, что оно едино с тенями, будто ночь, сливающаяся с ночью.

Силуэты, на которые он не обращал внимания ранее, не были галлюцинациями.

-- они были

реальны. Претор также видел и
игнорировал не призраков во мраке, но
нечто весьма

осязаемое и очень опасное -- достаточно
опасное, чтобы обмануть авточувства
Саламангр.

Предупреждение Тсу'зана опоздало -- что-
то обрушило на них свое воздействие, и
удар

наибольшей тяжести пришелся на
Храйгора.

-- Я вижу его! -- закричал он, сломав боевой
порядок отряда и с грохотом бросившись
назад, туда, откуда они пришли. --
Гримхильд... -- он помахал воображаемому
Костическому Волку

через плечо, призывая следовать за собой, --
Кракен... Бери топор и кровных братьев. Я
держу

его на прицеле!

Они так и не узнали, как долго
несчастный Храйгор находился под
незримым влиянием

провидца.

Претор обернулся и увидел, как он исчезает в другой развилке, ведущей в неизвестную часть

корабля.

-- Брат! -- крикнул он, но Храйдор пропал в собственной версии реальности.

До них донеслась громкая стрельба из штурмовой пушки, когда тот вступил в бой с

воображаемой тварью из глубин.

Претор уже двинулся в путь.

-- За ним.

-- Куда он пошел? -- спросил Тсу'ган.

-- К своей смерти, если это продолжится.

Мы здесь не одни.

Тсу'ган кивнул и последовал за сержантом.

Развилка, которую выбрал Храйдор, вела в глинный коридор. Когда ее достигли остальные, его еще было видно --- он стрелял из штурмовой пушки очередями, прежде чем штурмовать побегать дальше.

-- Я могу подстрелить его, например, выбить поршень из ноги,-- Тсу'ган уже прицеливался. --

Это его затежит.

Претор покачал головой.

Снова слышался шум бегущих ног. На этот раз они все его слышали, так же, как и

пронзительный крик, который как будто издавала стая механических птиц.

-- Во имя Вулкана... -- сержант нахмурился, пытаясь определить источник резкого звука, когда

вдруг переборка захлопнулась, остановив их. Они потеряли Храйдора из виду, хотя Тсу'ган

мог поклясться, что видел, как за тиз до этого вокруг него сошлись тени, словно отделившиеся от самых стен.

-- Удерживайте развилку, -- приказал Претор Инвиктезу и Во'кару. Они тут же заняли позиции.

Он повернулся к Тсу'гану. -- Выбей ее, сейчас же!

Тсү'ган вознал в металл ценной кулак, и
насклад искр озарил коридор.

Потребовалось несколько минут, чтобы
прорваться сквозь переборку.

Он первым выглянул на другую сторону.

-- Ушел, -- рыкнул Тсү'ган, но потом
заметил следы крови на решетчатом
полу. В коридоре

был сводчатый потолок, усеянный
трубами и узкими вертикальными
воздуховодами. Цепи, свисавшие из
темноты, слабо позвякивали. Претор и
Тсү'ган руками расширяли прореху в
переборке, пока та не увеличилась
достаточно, чтобы они могли пролезть.
На это тоже ушли

драгоценные секунды.

Торопясь, они преодолели коридор еще за
две минуты. Оставив остальных позади и
приблизившись к тесному тупику, они
нашли тело Храйдора.

Ксеносы быстро приближались, десяток за
десятком.

Длинный коридор предоставил отряд

Нү'меана неплохие условия для ведения огня, а потолок

был достаточно прочным, чтобы можно было не беспокоиться насчет внезапного нападения сверху.

Если генокрады приближались только с кормы «Протея», они смогут их сдержать.

В нескольких метрах от двери крионического помещения был перекресток, откуда коридоры

отходили влево и вправо. Здесь Нү'меан разместил Этека, двух Огненных Драконов и встал

сам.

Слева от него было помещение, где хранились спасительные капсулы. Атака из этого

направления была маловероятна. Но если ксеносы явятся из правого коридора и

одновременно из направленного к корме, битва наверняка будет гораздо короче. Он уже

слышал их — стрекочущих, суетящихся,

скачущих. Уже недолго.

Примерно пятьдесят метров отделяло их от братьев Меркуриона и Тан'гара у следующего

ответвления. Еще где-то через сто метров глинный коридор оканчивался пятном тьмы, которое свет гало-фонарей уже не мог рассеять.

-- Ждите, пока не сложете хорошо прицелиться, затем ведите огонь на подавление, чтобы

замедлить их, -- приказал Ну'меан по комм-связи. -- Посмотрим, братья, сложат ли мы забить

путь впереди трупам ксеносов.

Воинственное «есть», раздавшееся в унисон, сказало ему, что приказ был услышан и что

Огненные Драконы приносят последние клятвы.

Дверь позади, где пребывала в частичной спячке его жертва, касалась спины Ну'меана и

казалась горячей на ощупь.

"Все это ради возмездия..."

Нү'меан стиснул кулак, сокрушая сомнение. "Нет слишком высокой цены".

-- Они идут!

Коридор впереди внезапно озарили вспышки грохочущих штүрмболтеров.

Мельком, среди тел и выстрелов, Нү'меан увидел, как взрываются беснующиеся ксеносы. Они и

не думали отступить. Даже на расстоянии он заметил лихорадочное сияние в их глазах. Оно

гаровало тварям агрессию и целеустремленность. Нү'меан понял, почему они едва ощущали

психические этанации провидца. Он стал частью корабля и распространил свою власть на его

обитателей. Эльдар направлял свою силу через крагов, пробуждая и ведя их, затенив собой

Разум Улья.

Болтерный огонь Ган'гара и Меркүриона глелся еще несколько секунд, прежде чем

они

начали отходить назад. При этом они периодически выпускали очереди один за другим, так

что залпы перекрывали друг друга.

Нү'меан практически не видел целые турупы среди крови и оторванных конечностей -- таково

было разрушение, учиненное их оружием.

-- Боеприпасы на исходе, -- предупредил Меркурион.

-- Да, брат, -- ответил Ган'дар.

Нү'меан двинулся было вперед, но дисциплина взяла верх, и он остановился.

Вместо этого он

заговорил в комм-линк.

-- Отступайте. Вернитесь в строй, братья, -- в тоне сержанта слышалась настойчивость, говорившая, что он знает, что к ним приближается.

Генокрады были повсюду -- перебирались через мертвых, карабкались по стенам, полу и

потолку. Такая ярость...

-- Огонь Вулкана бьется... -- начал Меркурион. Он поспешно вставлял в иштүрмболтер новую

обойму, а Ган'дар прикрывал его, когда один краг подобрался достаточно близко, чтобы

содрать с него половину шлема вместе с кожей лица. Брат Меркурион пошатнулся и

выстрелил еще несколько раз из иштүрмболтера, прежде чем второй ксенос пробил дыру у него

в груди. Третий прыгнул ему на спину. Затем они облепили его, и Огненный Дракон исчез под грудой тварей.

-- Вернитесь в строй! Вернитесь в строй! Но мольбы Нү'меана были напрасны.

Несколькими мгновениями позже пал и Ган'дар. Тенокрады окружили его, и не было надежды, что он выстоит дольше. Его иштүрмболтер освещал коридор еще шесть секунд, прежде чем затолкнуться.

Нү'меан сдерживал гнев, не желая, чтобы

тот заставил его броситься в набегающую волну

крагов навстречу смерти и тщетной славе.

-- Брат Колох.

Огненный Дракон с тяжелым огнеметом выступил вперед. Ну'теан глухо произнес:

-- Сожги это.

Храйгора разрубили на части. Ценные зубья усеяли шрамами его броню. Самые глубокие

разрезы приходились на наиболее уязвимые сочленения. Терминаторская броня была серьезно

повреждена, следы огня говорили о том, что в него стреляли плазмой с близкого расстояния.

Участки частично расплавившегося керамита, оставившие зияющие наверны в иссеченной

плоти Храйгора, были следом воздействия тельты. Убийцы набросились на него со всех

сторон и разорвали его, кусок за куском.

Все вокруг жуткой сцены было окрашено кровью, которая отсвечивала темным, будто внутренности, цветом в резком свете гало-фонарей.

В конце следующего коридора, у развилки, издевательски позировала одинокая фигура. Она

была облачена в архаичный силовой доспех, темный, как сумерки, или даже темнее --- сложно

было точно сказать. Боевой шлем, которому придали облик какого-то воющего демона, чья

грубо высеченная ротовая решетка застыла в немот вопле, выглядел вытянутым, почти как

голова птицы, и птичьими же казались его когтистые стопы и перчатки. Склонив голову

набок, отвратительная тварь начала издавать щелкающие звуки. Ее движения были

странными, несколько синкопированными, и когтистая стопа скрежетала по

металлу в такт.

Рот Тсу'гана свело в оскале, который скрыл шлем.

-- Рантор...

Затем он очертя голову ринулся вперед по коридору под рев штурмболтера.

Крича птичьим, механизированным, монотонным голосом, рантор взлетел в воздух, тяжело

хрипящие двигатели на спине закашляли клубами дыма и пламени.

Тсу'ган выругался. Он промахнулся.

Над ним громко зазвенели цепи и трубы. Тсу'ган выстрелил в темноту под сводами, где, как

ему показалось, он заметил движение.

Жестокий стех, похожий на карканье стервятника, источник которого нельзя было отследить, был ответом на его промах. Затем раздался еще один взрыв птичьих воплей, синтезированных вокс-решеткой шлема.

-- Предатели-хаоситы! -- прорычал Тсу'ган Претору, скашивая звенья цепей

следующим

залпом. Они посыпались на его броню, будто железный дождь.

Ответ сержанта отрезало переборкой, рухнувшей между ними. Попался.

Тсу'ган изрыгнул еще одно проклятье, когда несколько силуэтов в доспехах, сородичи первого

рантора, обрушились сверху на крыльях-лезвиях. Падая вниз, они как будто вытекали из теней

и лишь в последний момент включали прыжковые ранцы, чтобы прервать полет.

Воздух наполнил озоновый запах тельты и зловоние окровавленных, смазанных маслом зубьев цепей. Клинки уже гудели, рычали в поисках добычи.

-- Вы так легко меня не убьете, отродья ада, -- поклялся он, пытаясь оттеснить прочь другие

ощущения, давящие на край сознания -- медную вонь, серную поволоку...

Эти враги были настоящими. Повелители Ночи -- насаждающие террор

трусы, недостойные

имени Астарес даже в те времена, когда
они были верны Трону.

Ранторы были стайными хищниками, и
он попал в их ловушку. Клинки рванулись к
нему. У

Тсу'зана едва было время увидеть их, не
говоря о том, чтоб защититься.

Претору потребовалось три удара
грозным молотом, чтобы выбить дверь
и, со скрежетом

сорвав ее с креплений, на полной скорости
выбросить в коридор. Как и большинство
сынов

Вулкана, он обладал огромной силой, но
даже среди Огнерожденных Претор
славился

невероятными подвигами. Водомый же
яростью и решимостью, он становился
одним из

самых могучих воинов.

Ближайший рантор такого не ожидал.
Шесть тысяч килограммов металла в
полметра

толщиной врезались в предателя и практически разрубили его пополам. Из ног подобного

черепаце лицевого щитка вырвался предсмертный хрип.

Тсу'ган вовремя убиел импровизированный снаряд и рванулся в сторону, однако в полете

дверь все равно задела переднюю часть его нагрудника и оставила вмятину на керамике.

Повреждения, нанесенные его броне ценными клинками, были незначительными. Огненный

Дракон воспользовался преимуществом перед измученными противниками -- хотя замешательство длилось всего несколько секунд -- чтобы вытрошить одного из них

выстрелом из штурмболтера в упор.

Стиснув наплечник рантора кулаком, он вознал ствол тому прямо в живот и надавил на спуск.

Тсу'ган отшвырнул труп прочь, тогда как

еще один попытался взлететь, чтобы
занять более

удобную позицию. Он уже выгнулся, чтобы
прицелиться из плазматана, когда Тсу'ган
протянул руку и схватил его за лодыжку.
Он швырнул предателя наземь, не
приложив к этому

особых усилий. Цепляясь когтями за пол в
поисках опоры, тот отлетел прямо к
Претору.

Сержант обезглавил тварь краем
штормового щита.

-- Узрите гнев Вулкана! -- взревел он,
отшвыривая в сторону еще одного рантора,
который

прыгнул на него, намереваясь вцепиться.

Теперь Тсу'гана не стесняла толпа, и он
стрелял налево и направо выверенными
залпами. На

ретинальном дисплее вспыхнули
предупреждающие значки -- пики
интенсивного

термического воздействия. Мельта-
стрелок увернулся от первой очереди,

выпущив

небольшую реактивную струю из прыжкового ранца, чтобы остаться в воздухе, но затем

Претор атаковал исподтишка и впечатал его в стену.

К этому времени с опорного пункта вызвали Во'кара и Инвиктеза, которые аккурратно

всаживали очереди в гущу рукопашной из конца коридора.

Умирая, ранторы дергались и грожали, будто странные металлические куклы.

В схватке лицом к лицу с полным отделением терминаторов у них не было шансов на победу.

Коварная засада обернулась горьким, безнадежным поражением пред мощью Огненных

Драконов.

Предателей осталось всего четверо. Салатангры наступали. Двое, испуская пылающие струи

из прыжковых ранцев, попытались

взлететь к своду. Огонь штурмболтеров ---
концентрированный, на малой дистанции ---
разорвал их броню, будто жесть.

Третий кинулся на Претора, но его цепной
клинок не выдержал столкновения с
прочной

броней сержанта. Сломанные
металлические зубья посыпались на пол, а
вскоре к ним

присоединился изломанный труп рантора.

Тсу'ган оказался лицом к лицу с
единственным выжившим, предводителем
ранторов, что

носил вытянутую маску демона. Тот
склонил голову, согнулся всем телом, и
пучок

проводов, торчащих у его шеи, заискрился.
Затем это гнусное птицеподобное
создание

заверещало на него. Настешка заставила
Тсу'гана затахнуться --- ему хотелось
ощутить, как

плоть и кости твари размелются
лезвиями цепного кулака --- но вожак

Ранторов рассчитывал

именно на это и избежал удара, подхватив при этом мельтаган навшего сородича.

Выглядело это, будто существо собиралось обратить оружие против Огненного Дракона ---

пока оно не включило прыжковые двигатели и взмыло к своду потолка, на ходу прожгло

металлическое покрытие, создав себе таким образом путь для побега.

Массивная фигура

Тсу'гана не давала другим хорошо прицелиться, и снаряды штурмболтеров без всякого вреда

для рантора обрушились на трубы наверху. Затем Огненные Драконы вновь остались одни.

-- Повелители Ночи, -- сплюнул Тсу'ган. --

Малодушные отродья и растлители. Что они делают

на борту «Протея»?

Претор не отвечал. Он слушал комм-линк.

-- Ну'меан в беде, -- сказал он, закончив. --

Предателям придется подождать...

Тсу'зан оцетинился.

-- Месть за Храйгора!

-- Придется подождать, -- твердо повторил

Претор. -- Мы нужны нашим братьям, тем, что еще

живут и дышат, чтобы пробиться к энергетическому центру.

Они уже собирались вернуться по своим следам, когда коридор сотрясло взрывом, настолько

громким, что он срезонировал в броне

Тсу'зана. Посыпались крупные обломки

металлического мусора. Впереди взвился черный клуб пыли и пламени.

Претор пристально взгляделся в дым и завалы, отсеивая помехи, возникшие в результате

взрыва, и что-то пробормотал. Остальные члены отряда заняли боевые позиции, ожидая

очередного нападения. Сержант считал показания сканера на ретинальном

гисплее. Сделав

это несколько раз, он выругался, изрыгнув старое ноктюрнское проклятье.

-- Брат-сержант? -- спросил Во'кар.

-- Путь назад закрыт.

-- Господин?

Претор закричал на Во'кара, и от ярости горящие угли его глаз вспыхнули ярким пламенем.

-- Мы не можем идти дальше, брат! Предатели обрушили коридор. И если мы не найдем

другого пути к энергетическому центру, то Ну'теан и его отделение погибнут!

Передышка не могла длиться долго. Очистительное пламя тяжелого огнемета брата Колоха

хорошо выполняло свою работу. Успеленные тела генокрадов усыпали коридор впереди, но

их наступало больше, гораздо больше.

Через наушник комм-связи Ну'теан слушал трагичный доклад Претора. Разговор происходил в

несколько коротких фраз с одной стороны.

-- Понимаю, брат.

-- И не пытайся. Попытка пробиться займет слишком много времени.

-- Другой маршрут? Такого, чтоб ты добрался сюда достаточно быстро, здесь нет.

-- Ты должен. Я могу эвакуировать брата Эмека со скитальца. Его жизнь единственная, которую ты сейчас можешь спасти.

-- Во имя Вулкана, -- эхом прошептал Ну'меан последнюю передачу, уже оборвав связь.

Он проверил биосканер на ретинальном дисплее, посмотрел на смертоносный сосуд с ядом, прикрепленный магнитом к его броне. Враг был в считанных метрах. Он должен убить его. В

любых других обстоятельствах сержант Огненных Драконов должен быть в состоянии его убить.

Шум во мраке впереди становился все

зроче.

Скоро все закончится.

Действуй!

Нү'меан сказал брату Ве'китү:

— Доставь апотекария к спасительным капсулам. Убедись, что он на верном пути, и

возвращайся обратно в строй. Перед тем, как все закончится, мне понадобится ты и брат

Колох.

Это было рискованно. Поместить Этека в одну из капсул, возможно, не функционирующую, при том, что нельзя было гарантировать его спасение, когда он окажется дрейфующим в

пустоте. И с такими ранениями... Это был единственный вариант. Нү'меан знал, что шансов у него немного.

Ве'кит ушел, забрав с собой ослабевшего, почти внавшего в коту апотекария.

Нү'меан положил руку в латной перчатке на наплечник Колоха.

-- Ничто не должно пройти, брат.

Колох кивнул. Судя по звукат, крады приближались. В темноте впереди можно было

различить их неясные силуэты. Ну'меан повернулся и приблизился к двери-переборке, готовый

вот-вот произнести коды активации.

-- Закройте ее за мной, -- тихо сказал он. -- И не открывайте. Что бы ни случилось.

-- Во имя Вулкана, -- нараспев произнес Колох.

-- Всегда за Вулкана... -- ответил Ну'меан. Стрекотание приближающихся тварей бурно

нарасталло. Он открыл дверь и вошел в криокамеру.

Как только он переступил порог, и дверь наглухо закрылась за ним, ударила дуговая молния.

Поначалу боль была притупленной, затем усилилась, став куда более настойчивой и жгучей, и

каждый шаг давался Ну'меану с

лучительным трудом.

Крест Терминатора наделал его некоторой защитой, но лишь благодаря твердой воле, присущей Саламанграм, он продолжал двигаться по окутанному туманом полу.

По его броне как будто пробежали добела раскаленные пальцы — психическая молния выискивала открытую плоть и уязвимые места. Сочленения некогда непробиваемого доспеха

Нутеана начали постепенно давать слабину.

Через треск энергии он расслышал доносящийся снаружи шум битвы. Выстрелы болтеров и

залпы огнетета сливались с боевыми кличами его братьев и визгом ксеносов. Подходящий

реквием для их последней битвы в этом адском месте. Это не был корабль, который он

полнил. Эта мерзость более не была «Протеет». Здесь продолжали жить лишь

призраки, которых лучше было забыть.
Нү'теан понял это слишком поздно, но
теперь он, по крайней

мере, должен был завершить свою миссию.

В считанных шагах от криокатеры он
увидел оцепенелого и, как всегда,
безмятежного

провидца. При взгляде на чужака никто бы
не догадался, что за хаос царит в его
разуме, сражающемся с пришельцем,
явившимся его убить.

«И все же я убью тебя», — поклялся Нү'теан.

Когда психическая молния ослабела, на
стену ей вернулись кошмары и ментальные
туманы.

Лица, прогнанные и иссушенные
разложением, пристально воззрились на
него обвиняющими

глазами. Внезапно появились сотни их,
заградивших путь к криокатере,
вонзающих

мертвецкие когти в сержанта Огненных
Драконов. Сервы, члены команды, жрецы-
клеитатели

и даже товарищи-костогесантники
удерживали Нү'меана на расстоянии своим
гневом и его
чувством вины.

Нү'меан заскрипел зубами. Тело
невыносимо болело, как будто кто-то
обнажил его нервные

окончания и испепелял их одно за другим.
Он не мог видеть консоль сквозь толпу
призраков, однако чувствовал ее. Она все
еще была готова принять в себя
стертоносную сыворотку.

Провидец удвоил старания, посылая в
Саламандру все новые трещащие дуговые
толнии.

Нү'меан кричал при каждом новом ударе, и
плоть его слезала с костей. Перчатки
окутало

пламя, но сквозь кровавую дымку он
достаточно хорошо видел свою цель.

-- Я -- твоя смерть... -- прохрипел он и
вознал сосуд в круглое гнездо. Тот быстро
опустел --

токсин проник в механизм, будто

голодный паразит. В тот же миг
провидец согрознулся в
конвульсиях. Судороги выглядели
неестественными в сочетании со
спокойным выражением

лица. Через несколько секунд он затих.

За дверью давно уже затихла битва.
Тенокрады не смогли прорваться и
закончили тем, что

скребли когтями твердую обшивку, пока
им это не наскучило, после чего двинулись
дальше.

Нү'теан терял сознание. Откуда-то
глубоко снизу доносился грохот кузни, звук
наковальни, которой касается молот.

Скоро я буду там, подумал он. Скоро я
присоединюсь к вам всем, братья мои.

Тсү'ган молча прижимал руки к своим
ноющим ранам, стоя пристегнутым в
Санктүарине

«Неумолимого».

В отсеке, где находились воины, царил
подавленное настроение. Не менее шести
Огненных

Драконов погибли, пытаясь свершить
столетнее воздаяние. Почему-то он
чувствовал, что
чаши весов не уравновешены.

Он жаждал пламени солиториума, жара,
который бы очистил его от боли и
бессильной

ярости, затаившейся внутри. Голос
Волкейна, пилота, прервал его мрачные
раздумья.

Покинув останки «Протея» и вернувшись
на ангарную палубу «Глориона» по другому
маршруту, они попытались восстановить
связь с Ну'меаном. Без толку. Аномекарий
Этек все

же мог еще быть жив, поэтому они
тщательно прочесали пространство
вокруг того

места, откуда выбросило его
спасительную капсулу.

Сейчас, два часа спустя, они нашли его.

-- Экстренная рунa идентификации
соответствует сигнатуре «Протея», --
голос брата Волкейна

звучал неровно, искаженный комм-линком.

Претор заговорил в приемное устройство у переборки:

-- Проведи биосканирование и поведи нас ближе.

Прежде чем Волкейн ответил, прошла почти минута.

-- Есть жизненные показатели.

Тсу'ган увидел, что Претор на миг прикрыл глаза. Как будто с его плеч сняли груз.

-- Сколько до него? -- спросил он пилота.

-- Примерно три минуты семнадцать секунд, господин.

-- Верни нам нашего брата, Волкейн. Верни его в кузню.

-- Во имя Вулкана.

-- Во имя Вулкана, -- ответил Претор, прерывая связь. Повернувшись, он встретился взглядом с

Тсу'ганом. Легкий кивок сержанта сказал Огненному Дракону все, что ему нужно было знать.

Этек, по крайней мере, выжил. Когда его извлекли из спасительной капсулы, он лежал

ничком в медиконтейнере, прикрепленный к полу, будто какой-то груз. Лицо апотекария и

большая часть его левого бока сильно пострадали. Тсу'ган пожалел о том, как сказал Этеку, что однажды тот сломается. Он не хотел, чтоб эти слова оказались пророческими.

Претор внимательно наблюдал за ним. Глаза сержанта, не скрытые шлемом, горели огнем, не

уступая ярости самого Тсу'гана.

Так много смертей во имя чего-то столь бесплодного и преходящего... Месть --- блуго, которое не насыщает; она оставляет тебя холодным и пустым. Да, жажда мести все еще горела

в Тсу'гане всепоглощающим пламенем. В тот момент она пылала в них всех.

Их боль получила имя. Тсу'ган знал это имя, и не было нужды его произносить.

Повелители

Ночи.

• • •